

Наталья Лескова

ЗАКЛЕЙМЁННЫЙ

Территория F

Наталья Лескова

Заклейменный

«1С-Паблишинг»

2021

Лескова Н.

Заклейменный / Н. Лескова — «1С-Паблишинг»,
2021 — (Территория F)

Нель Натаналь – внук королевского советника. Его семья – могущественна и влиятельна, но холод и давление со стороны родных заставляют мальчика сбежать из дома. Побег был недолгим, Неля возвращают в семью и заставляют принести Клятву Повиновения, скрепленную магическим ритуалом. Теперь мальчик обязан подчиняться правилам, принятым в семье: не проявлять эмоций, думать о выгоде, побеждать любой ценой. Но для Неля по-прежнему важны такие вещи, как дружба, свобода, живые человеческие чувства. Он пытается найти друзей в столичной школе, сломать стену презрения, которой окружили его одноклассники. Но это – не единственные проблемы Неля. На его ауре есть еще одна печать, полученная им при рождении. Печать демона. Сумеет ли мальчик выстоять против давления со стороны окружающих, сумеет ли совладать со своими внутренними противоречиями? Найдет ли ответы на вопросы: что такое настоящая дружба и что значит «быть свободным»? Обо всем этом – в романе «Заклейменный».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Лескова

Заклейменный

Глава 1

Холодно. Очень холодно. Так холодно, что хочется умереть. И она – кошмарная тетка, танцующая среди бескрайних льдов. Смеется, оскаливая острые зубы, тянет ко мне посиневшие руки... Женщина? Нет, демоница... Это я уже понял.

«Да, ты уже понял... Поймешь и остальное. Скоро. Дашь мне тепло. Раб... Плохой. Сопровивляешься. Я сильнее. Исполнишь мою волю... Я хочу!».

– Сдохни, тварь завратная! – закричал я, стряхивая остатки видения.

– Господин Натаналь! – съё Киттус навис надо мной. – Что вы себе позволяете, сударь! Неужели мои лекции настолько скучны, что вы постоянно засыпаете?

– Нет, съё, – ответил я мрачно, – я слушаю вас очень внимательно. Вы рассказывали о войне с Орынским ханством и остановились на решающей битве при Корранте.

Да, битва при Корранте... Именно об этом говорил учитель до того, как я уснул. И не потому, что скучно – просто спать ночью вообще возможности не было. Слишком страшно. Проснешься от собственных криков, а кругом темнота, и никого рядом – совсем никого.

– И какое же значение имело это сражение в общем ходе войны?

– Да никакого, – ответил я устало. – Все решилось в Порт-Геродоне, когда мой дед встретился с Орынским министром Й'Орро. Войну нужно заканчивать, она перестала быть выгодной. А представители рыцарских сословий этого понимать не желали. Вот и стала нужна Коррантская бойня – и от упрямых вояк избавиться, и повод для окончания войны сделать понятным для всех. Пусть простаки думают, что Геффский мир заключили потому, что потери обеих сторон слишком велики, а не потому, что это – часть сделки.

– Господин Натаналь! – в голосе учителя послышался чуть ли не ужас. Как всегда, когда я начинаю говорить что-то, расходящееся с официально одобренной ложью. – Для мальчика, которому только-только должно исполниться двенадцать, ваши рассуждения слишком циничны.

Я болезненно усмехнулся. Мальчик?! Сколько времени в моей жизни мне было позволено быть ребенком? Те два с половиной года, которые я сам себе выкроил?

– Мальчики на улице в мяч играют, – ответил я резко. – А для представителя клана Натаналей детство – непозволительная роскошь.

Учитель смутился. Словно виноватым себя почувствовал. Зря. На него я зла не держу. Наоборот – его уроки мне в радость. Другие учителя точно следуют приказу моего отца, слова лишнего мне не скажут. А Киттус хороший, порой смотрит на меня с сочувствием... В нем есть тепло... Но только от этого мне еще хуже.

Вот и сейчас... Так хочется поговорить с ним – не как с учителем, а как с человеком – поговорить, рассказать обо всех страхах и горестях... О бесконечном холоде, об одиночестве, о предательстве, которое я совершил. О кошмарах, которые ночью спать не дают. Я так хочу довериться, кому угодно... Любому, в ком есть хоть капелька тепла... Но...

«Доверять можно только тому, кого контролируешь. Подозрительность – лучший путь к пониманию», «Суть отношений – взаимовыгода. Если кто-то добр к тебе, подумай, во сколько тебе это обойдется», «Любовь и дружба – это всего лишь разница между ожидаемой прибылью и вложенными средствами. Ничего более». Эти фразы я с раннего детства слышал с утра до вечера. И даже оказавшись на свободе, не мог их из головы выбросить. А теперь, после того как я принес отцу Клятву Повиновения, я обязан воспринимать все, сказанное им, как приказ.

Не доверяй. Не чувствуй. Не вспоминай. Не думай... И невозможно этому сопротивляться! Закроешь глаза – слышишь истеричные вопли демоницы. Откроешь – спокойный до рвоты голос отца. Ненавижу! Лучше умереть, чем жить так. Но я и этого не могу!

– Господин Натаналь? Что с вами? – живой голос съё Киттуса звучал совсем рядом. – Что с тобой происходит, Нель?

Меня словно болевым энерго-эксплантатом стукнуло.

– Не смейте называть меня по имени, сударь! Для вас я – господин Натаналь, – я резко поднялся, подошел к окну. – Думаю, наш урок закончен. Я подготовлюсь к следующему занятию самостоятельно.

– Как прикажете, господин Натаналь, – скупая официальная фраза, за которой спряталась обида. Ну и пусть... Не все ли равно?

Я упер взгляд в окно. Скорее бы он уходил! Но... я опять останусь один. С голосами, звучащими в моей голове. С демоницей, требующей тепла, которое я не могу ей дать. С отцом, заставляющим смириться с холодом, на что я не способен. Я не хочу! Я не могу! Вцепиться сейчас в полу учительского сюртука, закричать: «Останьтесь, расскажите про Орынскую войну, про Геффский договор, про королеву Онеллу, про что угодно! Только не оставляйте меня одного!».

– Всего хорошего, господин Натаналь.

– До свидания, съё.

Дверь открылась и закрылась. Замок не щелкнул. Вот она – свобода, иди куда хочешь. Только я все равно не могу уйти. Давший Клятву Повиновения не может нарушить прямого приказа хозяина. «Не смей уходить без разрешения», – сказал отец восемь месяцев назад. Вот и все. И замки не нужны, и решетки. Нет выхода. Разве что по венам снова – вжик. Ведь приказ «не уходить» относится лишь к телу, путешествие души за Врата оговорено не было. Мне казалось, это неплохая лазейка. Но... Она не сработала. Почему я остался жив, когда хотел умереть?

«Думаешь, отпущу тебя? – хрипло засмеялась демоница. – Ты – мой! Отдашь мне тепло. Не уйдешь. Будешь служить мне. Только мне. Я первая тебя заклеимила!»

– Заткнись! – заорал я, ударяясь головой о стену. – Заткнись, заткнись, заткнись!

– Прекрати истерику! – окрик меня как кнутом хлестнул.

Прямой приказ. Слова застряли в горле. Тело замерло в нелепой позе. Я стоял и молча смотрел, как отец заходит в комнату. Высокий, плечистый, черные надменные глаза под густыми бровями. Взгляд – как бросок кинжала.

Кинжал...

И снова заныл шрам на руке чуть выше локтя – след от единственного промаха Рена. Тут же навалились воспоминания – свист рассекаемого сталью воздуха, лезвия вонзаются в деревянную стену – чпок, чпок, чпок – вплотную к коже; страх, переходящий в безумную радость. Счастье, что в тебя верят, и что ты веришь. Когда ты знаешь – он не промахнется, а он знает – ты не дернешься. Безграничное доверие. Которое я предал. И боль от этой мысли сильнее той, какую я чувствовал, когда стальной клинок пригвоздил мою руку к стене. «У меня не было выбора», – сказал я себе, но боль не стала меньше. Потому что предательство остается предательством, даже если это было единственным верным решением.

Мы с отцом смотрели друг на друга. Он на меня – с безгливостью, я на него – равнодушно. Потому что часто повторяемая директива: «Никогда не показывай своих чувств. Это слабость» имела силу приказа. Вот я и не показывал: ни ненависти, ни отвращения.

– Вчера приезжал Старик, – сказал отец, презрительно выплевывая слова. – Он считает, что тебя следует отправить в школу.

Мое лицо не дрогнуло. Не из-за запрета на эмоции, просто я не мог допустить, чтоб он увидел мою радость. Но внутри я ликовал. Неужели это правда?! Я выйду из этого опостылев-

шего дома! Я снова увижу людей – много людей. Услышу их голоса. Живые теплые голоса... Я не буду больше один!

– Вот как? И в какой класс я пойду? – спросил я безразличным тоном.

– Твои учителя говорят, что ты сумел за восемь месяцев не только нагнать три пропущенных года, но и уйти вперед. Старик считает, что ты можешь сдать экстерном экзамены за всю младшую ступень и поступить сразу на первый курс средней школы.

Я пожал плечами. Дедушка прав. Все, что я мог делать в заключении – это учиться и тренироваться. Забить голову, измучить тело. Чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы не сойти с ума.

– Экзамен через три дня. Я надеюсь, ты сдашь его на отлично.

– Зачем надеяться? Ты прикажи, – не выдержал я.

– Прикажу, если понадобится, – сказал отец ледяным тоном, а потом вдруг вздохнул – почти по-человечески. – Нель, ты думаешь, мне доставляет удовольствие держать собственного сына, свою плоть и кровь, в положении раба? Ты сам выбрал этот путь. Я же все жду, что от неизбежного подчинения приказам мы перейдем к сотрудничеству...

– Не дожدهшься.

– Дождусь. Ты – Натаналь! Мы рождены, чтобы властвовать. Это сильнее твоих детских выходов, сильнее всей той дури, которой ты нахвтался за время своих... хм... странствий. Когда ты станешь старше, ты поймешь. А пока – что ж, придется обращаться с тобой, как ты того заслуживаешь. Как с рабом.

– С рабом... – повторил я. – Кто из нас больший раб, отец? Я, вынужденный выполнять любой твой приказ из-за Печати Повиновения на моей ауре? Или ты, не смеющий сопротивляться воле дедушки безо всякого клейма? Мнишь себя господином, но всегда был пешкой в его руках. «Рождены, чтобы властвовать» – так? Знаешь, это даже не смешно...

Лицо отца оставалось привычно непроницаемым. Потом он улыбнулся одними губами.

– Старик прав: в будущем из тебя выйдет хороший Главный Королевский Прокурор. Но не стоит тратить на меня свое красноречие, – он развернулся и пошел к двери. Остановился на пороге, сказал, не оборачиваясь:

– Кстати, о приказах. Я приказываю тебе посещать школу Марры, не пропуская занятий. Приказываю тебе после окончания уроков возвращаться домой. Я хочу, чтобы ты был лучшим из лучших, сынок. Это тоже приказ.

* * *

В столичной полной школе Марры, названной так в честь богини богатства и процветания, учились дети высших чиновников, придворных, богатейших купцов и землевладельцев. Те, кто «рожден властвовать», выражаясь словами моего отца.

Я окинул взглядом класс. Мальчики старше меня в среднем года на два. Некоторые из лиц знакомы. Вон один из моих кузенов – Нерин Натаналь, сын дяди Норрика, Главного Королевского Казначея. А на первой парте – отпрыск герцога О'Кридиона, тоже можно считать, родственник – моя сестра три месяца назад вышла замуж за его старшего брата. Я помню эту свадьбу – мне тогда милостиво позволили присутствовать на церемонии бракосочетания, такого важного для нашей семьи. Удельные владения О'Кридионов окружают стратегически важный Онский залив, который дед давно хотел превратить в базу военного флота. «Этот союз будет способствовать процветанию королевства!» – кричали гости. Ну да, конечно... И у войны, и у супружества одна суть – это лишь сделка. Есть в этом мире хоть что-то, кроме сделок?

– Позвольте вам представить, господа – ваш новый товарищ Нель Норриан Натаналь, – голос учителя звучал суше знойного ветра. Ну и ладно.

Я посмотрел на ребят и улыбнулся самой дружелюбной улыбкой. Встретился с их взглядами... И моя улыбка заледенела. Ну да, а чего я ждал? Это же Марра! Лица у мальчиков, как у големов недоделанных – видно, хорошо усвоили наказ «не показывай своих чувств». Не как я – по приказу, а всем сердцем. Это же правильные сыновья хороших семей! А я надеялся найти здесь друзей! Не таких, как Рен, его никто не заменит... Но хотя бы приятелей – тех, с кем можно поговорить, кому можно довериться... Я ошибался? Впрочем... Я вспомнил ребят-«о-вражников» с окраин пропитанного черной пылью Лопутеля. Какими злыми глазами они на нас с Реном смотрели! И дрались жестоко, без правил, без снисхождения. После того побоища на мне места живого не было... Зато потом! Как одна семья жили, уголь с барж всей командой разгружали, последним куском хлеба делились... Когда мы с Реном уходили, то сердце от боли расставания сжималось. Так что первое впечатление бывает обманчивым. Может, и тут повезет. Не големы же они, в самом деле?

– Прошу вас, господин Натаналь, садитесь, – учитель показал мне на парту у стены. Недалеко от братца двоюродного. Под присмотр, значит. Ну-ну.

– Итак, господа, вы сможете познакомиться с новичком на перемене. А сейчас продолжим урок. На прошлом занятии я просил вас подготовить анализ трехстороннего договора «О мире и сотрудничестве» между нашим королевством, Орынским ханством и республикой Бора. Прошу сдать ваши работы, господа.

Значит, вот что они проходят в своей средней ступени? Может, мне следовало сдать экстерном экзамены и за этот год обучения? Анализировать подобные документы я умел еще до того, как сбежал из дома. Трудно не научиться, наслушавшись разглагольствований старшего брата Норга, которого с рождения готовили к карьере дипломата. Стань лучшим из лучших – приказал отец. Что ж, думаю, выполнить этот приказ будет проще, чем многие другие.

На перемене никто из одноклассников не поспешил со мной знакомиться. Братец Нерин демонстративно обернулся к соседу справа. Ну что ж, я не гордый. Сам заговорить могу, язык не отвалится. Я бы сейчас с кем угодно заговорил, лишь бы убедиться, что кругом живые люди.

– Добрый день, сударь, – повернулся к соседу с задней парты. – Вы – сын суперинтенданта Дронта, если не ошибаюсь...

– Не ошибаетесь, господин Натаналь, – ответил тот равнодушно. – Вам что-то угодно?

– Да. Хотел узнать побольше о школе, о классе... Вы все вместе с младшей ступени учитесь?

Одноклассник смерил меня презрительным взглядом, словно ледяной водой окатил. Но ответил сдержанно:

– В основном, да.

Такой ответ не предполагает продолжения беседы. Но я спросил опять – уже назло:

– Значит, я – единственный новичок?

– Значит, да.

Опять короткий ответ. Как пробить эту стену? И стоит ли ее пробивать?

– Простите, как к вам обращаться – «сударь» или «миледи»? – едкий голос заставил меня обернуться. Трое одноклассников стояли возле меня. Остальные делали вид, что заняты своими делами. Вопрос задал долговязый блондин. Сын барона фор Гаттенбарга, владельца крупнейших медных рудников. Я видел его среди прочей знати на свадьбе сестры. Отец говорил, что Гаттенбарги – выгодные партнеры, поэтому с ними следует быть любезным. И эта фраза тоже имела силу приказа. Поэтому я ответил с самой дружелюбной улыбкой:

– Не понимаю, о чем вы говорите, господин баронет.

– Я говорю, что ты на девчонку похож. Такое милое личико и длинные волосы... Вот я и спрашиваю – может, с тобой следует обращаться, как с девчонкой? – Гаттенбарг ухмыльнулся под угодливое хихиканье своих приятелей.

«Похож на девчонку!»! От этих слов у меня руки в кулаки сжались. Сказал бы такое кто-то из моих прежних знакомых – сразу бы с разбитым носом оказался. Но здесь Марра, а не рыночная площадь и не портовые закоулки... Здесь нельзя выражать эмоций. Здесь следует быть любезным с «выгодными партнерами семьи». Поэтому я продолжил улыбаться – как ни в чем не бывало.

Тем более, я сам прекрасно знал, на кого я похож на самом деле. Если бы на девчонку... А не на жуткую тварь из моих кошмаров! На демоницу, которая засела у меня в голове!

У меня её глаза – постоянно меняющие свой цвет от светло-сиреневого до темно-фиолетового, ее волосы – не белые, не серые, а словно посеребренные. И черты лица тоже её – нечеловеческие, слишком броские, запоминающиеся... И это они называют «милым личиком»?! По мне – настоящее уродство! Когда я бродяжничал, то носил картуз на три размера больше головы да еще с огромным козырьком – чтоб вся эта «красота» не показывалась. А теперь пришлось волосы отрастить – нужно же чем-то лицо занавешивать?

– Эй, кажется, деточка язычок проглотила...

Похоже, баронет все-таки напрашивается на ссору. Ну и ладно.

Существовала рекомендация: «Быть любезным с представителями семьи фор Гаттенбаргов», но была и директива: «Член семьи Натаналей не может позволить насмехаться над собой». Конфликт приказов, который я волен толковать в свою пользу. Даже у заклеяменного раба есть поле для маневра, а я достаточно хорошо изучил магическое законодательство, чтобы чувствовать себя на этом поле победителем.

– Нет, сударь. Просто припоминаю все возможности, позволяющие определить, кто мальчик, а кто девочка. Шпага? Прямой меч? Но если вы боитесь нарушить закон о запрете дуэлей между несовершеннолетними, я могу и попросту в морду дать.

– Ха, как нам и говорили, он совсем дикий! – усмехнулся другой парень. – С ним похорошему разговаривают, а он на драку напрашивается!

– Ты был прав, Натаналь, твой братец – это нечто, – баронет фор Гаттенбарг повернулся к моему кузену.

– Будьте снисходительны к моему родичу, господа, – в голосе Нерина звучало ледяное презрение, смешанное с холодной любезностью. Мерзкое сочетание. – Он много времени провел на помойке, поэтому забыл, что такое хорошие манеры.

Он протиснулся мимо ребят, подошел ко мне.

– Кажется, тебя следует заново научить поведению в обществе...

– И как вы собираетесь меня учить? Кулаками? – я усмехнулся, окинув взглядом стоящих ребят. Четверо. Четверо сынков высокородных дворянчиков. Все их познания о рукопашной – благородный янотан-бой, с его строго ограниченным набором ударов и бросков. Не сравнить с уличной дракой, о которой они представления не имеют! Драться одному с четырьмя – почему бы нет? Хорошая драка сближает. Да и вряд ли они настолько низко пали, чтоб сразу вчетвером на одного навалиться – благородные, как-никак... В любом случае, лучше тепло открытого боя, чем холод молчания!

Нерин покачал головой.

– Ты, видно, совсем с ума сошел. Здесь – Марра. Думаешь, кто-то захочет руки марать об такого, как ты? Ты и в собственной семье изгой. Раб. Обязанный подчиняться каждому приказу своего отца, а также любого другого члена семьи. Интересно, если я тебе сейчас прикажу встать передо мной на колени, ты подчинишься?

– Нет, – ответил я спокойно, хотя мне стало гадливо и смешно. – Приоритетный приказ моего отца звучит так: «Ставить превыше всего честь и достоинство своей семьи». Поэтому я не могу позволить унижить себя. Кстати, тебе следовало бы задуматься об этом, дорогой братец. Ты не меня сейчас оскорбляешь, ты пятнаешь имя Натаналей. Не думаю, что дед оценит твой поступок по достоинству.

Нерин побледнел, а на шее выступили пятна. «Никогда не проявляй эмоций» – гласит закон нашей семьи. Но сейчас мой кузен забыл об этом. Что из сказанного мной заставило его потерять самоконтроль? Уж не упоминание ли о деде? Следующая его фраза подтвердила мою правоту.

– Дед! Что мне за дело до Старика?! Он, видно, совсем выжил из ума, если решил сделать ставку на такую тварь, как ты! Как он может... Как он может считать тебя наследником! Ты – будущий глава Семьи?! Ха! Нищий бродяжка... Кто знает, чем еще ты занимался среди отбросов! Чтоб я подчинился тебе?! Не будет этого! Ты никогда не будешь Первым в Роду!

– Я никогда не буду Первым в Роду, – отчеканил я. – Возглавлять таких, как ты – до такого унижения я не опущусь.

Я развернулся и пошел прочь, лицо мое было похоже на равнодушную маску, а душа кипела от непролитых слез.

Значит, вот в чем дело... Дед пустил слух среди своих внуков о том, что оказывает мне наибольшее предпочтение. Пусть молодые волчата немного друг друга погрызут, авось сильнее станут – так, да?! И мне не найти друзей в школе, где всем заправляют мои кузены. Дурак! На что я только надеялся?! Что встречу тут людей? Да из них уже вытравили все человеческое!

Но я не стану таким! Я не сдамся. Я не сломаюсь. Потому что в моей жизни был Рен. Пусть я предал его, но я никогда не смогу забыть. И память о нем я не предаю. Поэтому... Пошли вы все к демонам за врата! Я выдержу. Я смогу.

* * *

Дни тянулись один за другим. Утром – школа, вечером – занятия дома. А ночью – мерзкая тварь в моих снах, требующая тепла. Тепло! Где мне самому взять его? Холод вокруг. Некуда от него деться.

В школе все было по-прежнему. Спросишь о чем-то – ответят так, что больше спрашивать не захочется. Заговоришь с кем-то – услышишь много гадостей, замаскированных под любезности. Начнешь возмущаться – в ответ смех и фраза: «Да он и вправду дикий!». Это же Марра. Тут свои правила игры и свои правила травли.

Я терпел. Но в последнее время начал понимать: я тоже могу играть по этим правилам. Я же Натаналь! За два с лишним года, проведенных с Реном, я забыл многое из того, что в меня вбивали с детства. Но недели среди одноклассников мне хватило, чтобы вспомнить азы и пойти дальше. Я всегда умел вписаться в любую среду – даже ту, которая мне ненавистна... Смогу ли я обойти братца Нерина? Смогу ли захватить власть в классе? Легко! Стоит только захотеть. Дружбы я здесь не найду. Но выстроить то, что мой отец именует «структурой подчинения», основанной на страхе и раболепии – запросто. Нерин совершил ошибку, проговорившись о планах деда насчет моего возвышения. А глава клана Натаналей – это такая величина, перед которой вынуждены склонить головы все. Самый богатый и влиятельный род, фактические правители при малолетнем короле... Мне стоит только дать понять, что выбор дедушки оправдан, стоит только начать вести себя, как положено истинному Натаналю, и все склонятся передо мной. Вот только... Будет ли это мой победой? Или моим окончательным поражением?

Рен! Как бы ты поступил на моем месте?! Что бы сделал ты?

Я вспомнил чумазое лицо Рена, его черные глаза, пылающие недогоревшими углями... И рассмеялся. Потому что понял: Рену и в голову не пришли бы такие рассуждения. Он вообще не способен рассуждать. И не способен меняться – скорее весь мир под себя изменит. Он не станет играть по чужим правилам. Как таран, продолжит долбить эту стену. Пока не сломает. Или не сломается. Но никогда не пойдет в обход. Просто не умеет. Я умею. Но если я сделаю так, не предаю ли я его еще раз?

Но и жить больше в изоляции, без тепла, я не могу! Что же мне делать? Что мне делать, Рен?!

Глава 2

Путь из столовой в учебный корпус «В», где занимались ораторским искусством, проходил через школьный парк. Только что окончился урок столового этикета – сегодня мы отрабатывали «официальный обед в присутствии особ королевской крови и послов Орынского ханства». Обед как обед, только использование ножа за столом орынцы считают оскорблением. И застольная беседа не должна касаться ратных подвигов, поединков и любых других тем, связанных с оружием или кровопролитием. И, конечно, никаких мясных блюд. Только «чистая пища». Забавные обычаи в воинственном Орынском ханстве.

Впрочем, что мне до орынцев? Своих проблем хватало. Сегодняшний ночной кошмар обернулся болью – голова раскалывалась, а тело ломало и скручивало. Такие приступы случались уже несколько раз за те восемь месяцев, которые я провел дома. Именно во время приступа я в первый раз попытался вскрыть вены – казалось, лучше смерть, чем боль. Боль, вопли демоницы во сне и ледяной голос отца наяву...

А потом я привык. Ко всему можно привыкнуть, даже к боли. Теперь меня заботило другое: не показать своей слабости окружающим. Это и в самом деле унижение – дать понять врагам, что мне плохо.

Хотя в последние день-два в моих отношениях с одноклассниками наметилась перемена. Словесные поединки с Нерином заканчивались в мою пользу: мне удавалось вывести его из себя, а ему меня – нет. Я видел, что его авторитет в классе начинает падать. Мои успехи в учебе были выше всяких похвал. И я уже не раз ловил на себе любопытные взгляды. Эти взгляды словно говорили: «Неужели старый Королевский Советник выбрал именно *его*? Надо присмотреться... Не стоит портить отношения с будущим Первым в Роду Натаналей...» Их размышления были понятны мне, словно они говорили вслух. Сейчас все решали, на кого сделать ставку: на меня или на кого-то из моих кузенов. Любая ошибка могла быть фатальной. Мерзко все это. Но что делать, если они способны выбирать себе друзей, только руководствуясь собственной выгодой?

«Тебе нужны фальшивые друзья?» – спросил я сам себя.

И ответил честно:

«Да. Пусть фальшивые. Но друзья. Может, только таких друзей и достоин тот, кто предал настоящую дружбу».

«Ты хотел спасти его, Рена... Разве это предательство?»

«Тогда почему я ничего не смог сказать ему о Клятве Повиновения? Почему соврал? Не хотел, чтобы он меня жалел? Боялся, как бы он не наделал глупостей? Или оттого, что знал, что он скажет?».

Для Рена не существовало полутонов. Дружба – это быть вместе. Сражаться до последнего. Побеждать вместе. Умирать вместе. А жертвовать собой, чтобы спасти друга – это предательство. Именно так он сказал после того случая в лесу, едва я пришел в себя от пережитого ужаса... Тогда все обошлось. Мы сумели победить – вместе. Правда, я так и не помню, как все случилось. Более того – и вспоминать не хочу.

– Эй, Глистик, ты написал мой доклад?

– Я... я...

Чужие голоса привели меня в чувство. Медленно, стараясь не совершать резких движений гудящей головой, я повернулся.

Возле дерева стояли четверо. Не из нашего класса – скорее всего, второкурсники. Мальчишки лет четырнадцати-пятнадцати.

– Чего якаешь? Написал или нет? – говоривший был невысокого роста, коренастый, похожий на петуха-крикуна, каких на ярмарках на потеху публике драться выставляют. Его лицо показалось мне знакомым.

– Я почти закончил... Еще один день... Пожалуйста! – прижавшийся к стволу каштана парень был чуть выше своего мучителя и сложение имел крепкое, но... Видел я таких. Мальчишки на улицах называли подобных типов «соплюшка». Здесь, значит – «глистик». Суть не меняется. Это люди, у которых на груди словно табличка висит: «Ударь меня больнее». Слабаки. Вечные жертвы. Жалкое зрелище.

– Разве я не говорил, что работа мне нужна сегодня? Хочешь, чтобы было так же, как в прошлый раз?

– Нет... Пожалуйста...

Коренастый мальчишка не дослушал, ударил провинившегося «глистика» по лицу. Тот не сделал даже попытки защититься.

Мерзко. Мерзко! Мерзко!!! Мои руки сжались в кулаки. Не знаю, кто мне был больше противен – мучитель или тот, кто позволял себя мучить. Ну их за Врата. Пусть разбираются. Не мое дело. Заступаться за отверженного в тот момент, когда сам только-только начинаешь подниматься со дна – глупость неимоверная. А этот дурачок сам виноват.

И все же... Рен бы не стал рассуждать, кто прав, кто виноват – для него это не имело значения. Рен бы ни на секунду не задумался о последствиях – этим всегда приходилось заниматься мне. Он делал то, что считал правильным. А происходящее под каштанами – неправильно. Значит...

– Проси прощения, Глистик, по-хорошему проси! Тогда, может, и простим тебя... Да, господа?

Крепыш повернул голову, чтобы взглянуть на своих товарищей и встретился взглядом со мной. Удивился.

– Вы что-то здесь забыли, господин малявка?

– У вас есть претензии к моему другу, господа? – поинтересовался я спокойно.

– Ха! Глистик, ну и дружка ты себе завел! Это вообще кто, мальчик или девочка? – хохотнул приятель коренастого.

– А я его знаю, – сказал другой парень, высокий и нескладный. – Это тот самый Натаналь, про которого слухи ходят... Паршивая овца в благородном семействе.

– Ага! Тот самый! Это ты, что ли, на улицах милостыню просил? Бродяжка...

– В данный момент это не имеет значения, – ответил я, стараясь, чтоб мой голос звучал ровно. – Я задал вопрос: у вас есть претензии к моему другу? Если нет – то мы с ним пойдем.

Троица парней загоготала. А Глистик еще сильнее вжался в ствол дерева, глядя на меня со страхом и надеждой. Страх было больше, и это взбесило меня сильнее, чем насмешки.

Я подошел и взял его за руку.

– Пошли отсюда.

Он взглянул на меня, потом на своих мучителей, дернулся, остановился. Ох, как мне самому захотелось его треснуть!

– Никуда он с тобой не пойдет, малявка, – крепыш перестал смеяться, смотрел на меня серьезно. – Ты ведь не собираешься бросить своих приятелей, Глистик? Конечно же, нет... Потому что знаешь: иначе с тобой произойдет много плохих вещей. Ты же моя собственность, да, Глистик? Ну-ка скажи это. Давай. Скажи: «Я твой раб»...

Это стало последней каплей.

Настоящее искусство – уничтожить человека словами. Как это принято в семье Натаналей. Но я не хотел говорить. Я хотел драться.

Я ударил. Без предупреждения. Без замаха. Короткий удар в подреберье, а потом, когда он согнулся – в основание шеи. Таким ударами не учат благородные съе-рукопашники на

домашних тренировочных площадках. Таким ударам учит Кириг-кровопийца, прошедший все каторги королевства от Шуу-Бей до Рудников Смерти.

Боль в голове прошла, словно лечебный энерго-эксплантат вложили. Двое дружков крепко бросились на меня, но это не имело значения. Тепло. Я чувствовал тепло.

«Бей... Убей... Боль... Страх... Тепло... Дай мне это тепло. Не можешь другое – дай это. Дай. Хочу. Разорви... Боль – тоже наслаждение. Дай им боль. Убей! Тебе нравилось...».

– Заткнись, тварь! – закричал я, вцепившись руками в голову, пытаюсь вырвать вновь навалившуюся боль.

И пропустил удар. Хороший удар. Крепкий. Спасибо тебе, враг... Боль от удара привела меня в чувство. И драка снова стала дракой – обычной, подобной многим другим дракам. Без голосов в голове. Без желания убивать. И это было хорошо – забыть обо всем и драться. Как обычно.

Впрочем, хорошей драки не получилось. Двое прихвостней коренастого даже на роль статистов не сгодились – когда я пришел в себя от удара, то все, что от них осталось – это мелькающие между деревьев спины, да крики о том, что надо «позвать школьного целителя, чтобы успокоил этого бешеного». И чего они так испугались? Я и ударить-то толком успел... Или успел? Не помню... Все равно – трусы.

Коренастый драться умел. И, пожалуй, любил. Наверное, один из лучших янотан-бойцов в своем классе. Но я совсем не собирался драться по принятым в янотан-бое правилам. Потому что ариши-борьба, которой я хорошо успел обучиться на улицах, правил не признает. В переводе с орынского «ариши» значит «подлый бой». А сейчас я был достаточно зол, чтоб драться так подло, как только можно. И еще подлее.

Все закончилось достаточно быстро: он лежал под деревом, держась за живот, сплевывал кровь, а я стоял над ним.

– Ну, ты и дикий, – выдохнул он, и мне показалось, что в этих словах не только презрение, а еще и что-то другое, похожее на уважение.

– Дикий? Разве? – я усмехнулся. – Ты еще плохо знаешь, насколько диким я могу быть. Но если у моего приятеля, – я кивнул в сторону все так же застывшего возле дерева Глистика, – будут неприятности из-за тебя – узнаешь. Тогда я буду говорить с тобой не так, как сейчас. Не как бродяжка Нель, а как будущий глава рода Натаналей. Понял, маркиз зу Триннелин, сын Старшего Дворцового Распорядителя? Мой дед хорошо отзывался о твоём отце. Пока хорошо. Но... Я, на месте членов вашей семьи, не стал бы искать себе врагов...

Я ударил наугад – несколько случайных воспоминаний, сопоставлений, знание общих тенденций дворцовых интриг: место распорядителя всегда было должностью шаткой. Но по тому, как побледнел мой противник, какой злостью вспыхнули его глаза, я понял, что поразил цель.

– Счастливо оставаться, сударь. Помните, о чем я вам сказал, – я повернулся ко все еще стоящему столбом Глисту. – Идем...

Я так и не знал его имени, поэтому взял за руку и повел подальше от побежденного и озлобленного маркиза. А то еще, несмотря на мое предупреждение, отыграется на бедолаге за все.

Глистик пошел за мной покорно и продолжал идти даже после того, как я отпустил его руку.

Так мы добрались до фонтана, в центре которого сама Великая Марра лила воду благоденствия из рога изобилия. Я сел на край, подставил саднящие пальцы под прохладные струи. На душе было беспокойно. Что я только что сделал? Спас человека? Ха и еще раз ха! Для этого человека подобные ситуации привычны. Может, порой ему приходилось и туго, но ведь рабская жизнь – то, что он сам себе выбрал. А я своим эгоистичным вмешательством лишь создал ему проблемы. Вот и все. Надо быть честным: я дрался не из-за него. Я дрался из-за

Рена. Потому что он полез бы в драку на моем месте. Но он начал и закончил бы ее по-другому. Не так, как я. Я сунулся в драку, презирая Глистика. А Рен сделал бы то же самое из уважения к нему. И Рен знал бы, что можно сказать сейчас... Нет. Не «знал бы», он бы просто сказал. Не думая. Но это были бы те слова, которые могли разрядить обстановку. А я просто сидел и молчал, как дурак.

– У тебя кровь на лице, – Глистик первым нарушил молчание.

Я провел рукой по скуле. Ага, кровь. Такая ерунда. Я зачерпнул воду из фонтана, умылся. Снова молчание. На урок, что ли, пойти? Так еще пятнадцать минут большого перерыва. Лучше уж здесь посидеть, чем в классе среди ледяного молчания. Этот парень хоть живым кажется: стоит, мнется, вздыхает по-человечески...

– Я не представился. Ирго Олиен Кри-Трассет...

Кри-Трассет... Я вспомнил заученный наизусть должностной дворцовый перечень.

– Твой отец – один из младших дворцовых распорядителей? Ясно... Папаша под началом маркиза зу Триннелина служит, а сынок перед маленьким маркизиком выслуживается... Начинаем карьеру со школьной скамьи, да?

Ну, давай же, скажи что-нибудь! Возражай, злись...

– Ты меня презираешь? – спросил он вдруг тихо, но с едва сдерживаемым отчаянием. – Ну и презирай! Я сам себя презираю! Но тебе не понять... Ты – Натаналь! У тебя от рождения статус чуть ли не выше королевского! И что бы ты ни делал, как бы ты себя ни вел – ты все равно будешь Натаналем! Ты не понимаешь, что это такое – постоянно заботиться о своем положении, по миллиметру продвигаться вверх! Унижаться, выслуживаться... Мой отец начинал простым слугой во дворце, сумел выдвинуться... Но ты не знаешь, какой ценой... Не знаешь, чего мне стоило попасть в эту школу...

– Не знаю, – прервал я его, пока он не разрыдался, а он был близок к этому. Чего-чего, а быть свидетелем такого его унижения мне совсем не хотелось. – Я действительно этого не знаю. Но я знаю кое-что другое... Мой прадед даже не был дворянином. Он торговал сукном в Порт-Геридоне. И мой дед, всесильный Королевский Советник, не в Марре учился. Три класса публичной школы – вот и все его образование. Путь от мелкого лавочника до регента при несовершеннолетнем короле не менее тернист, чем от лакея до младшего дворцового распорядителя, тебе не кажется? И хотя потом он получил титул от самой королевы Онеллы, женился на принцессе крови, он все равно лишь выскочка. И я считаю своим предком не только короля Киора Великого, но и простолюдина-суконщика из Порт-Геридона. Я никогда не забуду, откуда на самом деле ведет начало наш род. И ту цену, которую дед заплатил за свое возвышение, буду помнить. Потому что вся наша семья до сих пор расплачивается... И я тоже.

Я совсем не хотел говорить обо всем этом, но так получилось. Впрочем, все к лучшему: во всяком случае, во время моей речи Глистик успокоился... Глистик? Нет. Ирго.

– Я не знал, – произнес он, опускаясь рядом со мной на край фонтана. Я только плечами пожал. О прошлом Старика мало кто знает – не принято это, говорить о низком происхождении Королевского Советника. Мы снова помолчали.

– Послушай... – Ирго опять заговорил первым. – Почему ты вмешался?

– Не знаю, – сказал я почти зло. – Вмешался, и все. Наверное, не надо было. Я только хуже сделал, да?

– Нет! – ответил он резко. – Я давно хотел прекратить это! Но... Я не мог... сам... Я жалок, да?

– Ага, – ответил я честно. – Но, знаешь, наверное, не все могут быть победителями. Есть сильные, есть слабые. Ну и что? Это не имеет значения... – я поднялся. – Пойду я. Урок сейчас начнется.

– Подожди! – он тоже поднялся. Выше меня на целую голову и старше на три года. И при этом он смотрел на меня «снизу вверх»... Мне не по себе стало от такого взгляда. – Ты тогда назвал меня «другом»... Это просто так, да?

«Тудум», – сказала сердце. Но я лишь усмехнулся.

– А ты хотел бы дружить с изгоем? С бродяжкой и нищим? С тем, кто находится в своей семье на положении раба?

– Да, – он смотрел прямо на меня.

«Это потому, что я Натаналь?» – хотел спросить я. Но не спросил. И не потому, что такой вопрос можно посчитать оскорблением. А потому, что я не хотел знать ответа. Даже если и так – какая разница?

– Ну, значит, мы друзья, – я улыбнулся. – Увидимся!

Его лицо прояснилось, и я почувствовал тепло. Настоящее тепло – первый раз за восемь месяцев.

* * *

– Нель, а это правда, что ты милостыню просил? – смущаясь, спросил Ирго.

Мы сидели рядом возле фонтана Марры. Мы не договаривались встретиться здесь, просто я решил придти сюда во время большого перерыва. Он, видимо, тоже. Приветствие, несколько дежурных фраз, а потом – вот такой вопрос...

– Правда, – ответил я беззаботно. И это смутило его еще больше.

– Прости, я не хотел тебя обидеть... Но никак в голове не укладывалось...

– Да я и не обиделся. Хорошо, что ты прямо спросил... Остальные только таращатся на меня, как на чудо завратное, от нездорового любопытства чуть не трясутся, сплетни перешептывают... А что тут такого? Ну, просил... И на ярмарках выступал, народ песнями и фокусами потешал... И работал в поле за миску похлебки... И уголь на баржи грузил... И рыбу потрошил... Ну и что?

– Это же... Это же, наверное, такое унижение... – Ирго покраснел, как рак во время варки. Он был таким забавным, что я не выдержал и рассмеялся.

– Унижение – это быть вынужденным вести себя любезно с тем, кого ненавидишь. А милостыню просить – это что-то среднее между игрой и искусством. Думаешь, это так просто? Или ты считаешь, что если встанешь на улице с протянутым картузом и заладишь: «Подайте, люди добрые, сиротке на пропитание», так тебе сразу золотых монет навалют? Как бы нет так – только пинка хорошего заработаешь. Для того чтобы заставить человека с деньгами расстаться, нужно быть хитрым, умным и обаятельным. Это даже интересно – суметь переиграть другого человека, заставить его сделать то, что тебе нужно. Почти то же самое, чем вы все тут каждый день занимаетесь. Только интереснее.

Ирго смотрел на меня ошарашенно, а потом вдруг улыбнулся.

– Ты странный. Еще более странный, чем о тебе говорят.

– А что, много говорят? – я усмехнулся.

– Спрашиваешь! Вся школа как улей гудит. Твое положение очень двусмысленное: с одной стороны – Натаналь, внук самого регента, почти принц. С другой – все знали, чем ты занимался, да и кузены твои тебя ненавидят... Никто понять не может, как к тебе относиться. Либо заискивать, либо бойкот объявить...

– Бедняги! – я снова засмеялся. – Какая дилемма! Могу только посочувствовать.

Мне и в самом деле стало весело. Еще вчера мысли о происходящем вокруг меня вызвали злость. А сегодня было легко и спокойно. Потому что впервые за восемь месяцев я мог сидеть и болтать с другим человеком. Как с другом. Все проблемы казались мелкими и смешными.

Ирго головой покачал.

– Нет, в самом деле – странный.

– Это вы все странные. Вот ты, например... Неужели тебе никогда не хотелось по роже маркизику съездить?

Ирго наклонил голову – так, что челка почти закрыла лицо. Зря я, наверное, об этом заговорил... Или не зря? Просто я хочу понять его. Понять человека, который захотел быть моим другом.

– Дело не в том, хотел или нет. Это невозможно... – сказал он, наконец.

– Очень даже возможно. Я же вчера...

– Ты – это ты! – оборвал он меня резко. – Неужели не понимаешь? Кто я, и кто он! Если бы мы были взрослыми, я и на дуэль его вызвать не мог бы! То есть он такой вызов проигнорировал бы – не стал руки пачкать... Его статус выше моего!

– Ударь меня, – я поднялся и посмотрел на него в упор.

– О чем ты?

– Мой статус еще выше. И что? В драке это не важно. Хочешь убедиться? Давай! Или тебе нравится, когда тебя унижают? Может, ты сам все начал? Бегал за господином Тринеллином, прислуживал ему, когда он даже не просил, сам к нему в рабы записался ради будущей карьеры? Не так ли все было, Глистик?

Он ударил – вполне себе ощутимо. Классический такой выпад, как мастера янотан-боя на уроках учат. Неплохо для начала. А я его жалеть не стал. Хотел я его еще вчера треснуть? Хотел. Вот и пусть получит. Заслужил он. И за свой затравленный взгляд, и за нытье про статус, и за то, что позволял себя Глистиком называть. Пусть разозлится по-человечески!

И Ирго разозлился! Слава Яно-Воину, не совсем его затюкали. После удара в живот он взвыл и, забыв все заученные позиции и приемы, начал молотить кулаками, куда попало... Попало – в нос. Бо-о-ольно! Прямо искры из глаз посыпались!

– Нель! Прости... Твое лицо... – он остановился, посмотрел на меня чуть ли не с ужасом.

– Все хорошо, – я прижал руку к кровоточащему носу. Наверное, все же стоило увернуться... Ну да ладно, пускай.

– У тебя кровь...

– А то я не знаю! Проклятье! Хорошо бьешь. Видишь – можешь, если захочешь. И статус тут совсем ни при чем.

– Перестань! Надо что-то делать... Может, школьного целителя позвать?

– Может, сразу еще и школьного инквизитора? Я же сказал: все хорошо.

И я, задержав дыхание, сунул голову прямо в фонтан. Бр-р-р. Холод. Но иногда и холод может быть приятным. Я вспомнил, как раньше, поздней осенью или ранней весной, мы с Реном с визгом ныряли в ледяную речку, соревнуясь, кто дольше сможет продержаться под водой, а потом скакали по берегу у костра, как соллийские дикари, пытаясь согреться. Никогда это не повторится... Никогда... Так горько от этого...

Посторонняя сила рванула меня вверх.

– Ты что делаешь?! – Ирго держал меня за плечи и смотрел безумным взглядом. – Утопиться вздумал?

– Ага. Внук Королевского Советника утонул в школьном фонтане... Ты большой бред слышал? – я рассмеялся, отряхивая воду с волос «собачьим способом», так что брызги во все стороны посыпались.

Ирго вздохнул.

– Как ты на урок пойдешь? В таком виде...

– А что такого? Отец приказал мне не пропускать занятий. Но он ничего не говорил про то, что мой внешний вид должен быть безупречным. И про то, что опаздывать нельзя, тоже не говорил. Потому это не имеет значения.

В первый раз я косвенно упомянул Клеймо Повиновения. И Ирго это понял, и смутился, словно я заговорил о чем-то непристойном. Ну конечно, о таких вещах не принято говорить, хотя они могут щекотать воображение. Лучше сделать вид, что ничего не слышал. Именно так Ирго и поступил.

– Все-таки ты ненормальный, – подвел итог он.

– Передумал со мной дружить?

– Нет. Это я боюсь, что ты передумаешь. Или все шуткой окажется, – он покраснел и отвернулся. – Сам посуди: кто ты, и кто я...

– Вот только не надо опять про статус, – сказал я, насупившись. – Я же говорил: это не важно. Мой лучший друг вообще простолюдин.

«Бывший лучший друг», – мелькнуло в голове, и стало больно. Друг, которого я предал.

– Я не про статус. Но... Ты же видел, какой я... Жалкий... И сегодня... Ты же верно угадал: не Тринеллин начал меня унижать, я сам стал перед ним пресмыкаться. Хотел, как лучше... Такой, как я, не достоин уважения. Тогда почему?! От безысходности? Потому что все остальные тебя игнорируют?

А он оказался проницательнее, чем я думал, этот мой новый друг. И гораздо честнее меня.

– Может быть, и от безысходности. Ну и что? А может, потому что ты здесь единственный живой человек. Да и какая разница? Я же не спрашиваю тебя, почему ты решил со мной подружиться, – сказал я. И прикусил язык. Но было уже поздно.

Ирго смотрел на меня, и я знал: он прекрасно понял, что я имел в виду. А потом он отвернулся и сказал, обращаясь к статуе Марры.

– Вчера я рассказал отцу о том, что познакомился с тобой. Он обрадовался. Каким бы ты ни был – ты Натаналь. «Будь с ним любезным, – сказал он мне. – Дружба с Натаналем – это шанс для нашей семьи. Он может помочь твоей карьере». А я... Мне еще никогда не было так противно, как после этих слов. Потому что я сам об этом же думал. Но... Это не главная причина! А теперь презирай меня, сколько хочешь.

Я вздохнул, коснулся рукой его плеча.

– Хватит уже, ладно? Я презираю только одного человека – моего отца. Ну, может еще и дядьев с кузенами. И все. А ты – вообще лучший человек, которого я видел за последние восемь месяцев.

– А дедушку ты тоже презираешь? – спросил он, с дрогнувшей нервной усмешкой в голосе, все так же не поворачиваясь.

– Нет, деда я ненавижу. Но уважаю. Старик – это сила. Он знает, чего хочет и всегда идет прямо к цели, ни с кем не считаясь, ни на кого не оглядываясь. Всегда играет только по своим правилам. А остальные перед ним на цыпочках ходят, слово вставить боятся. Это по-настоящему противно. Мой отец держит в руках всю внешнюю торговлю, один дядя маршалским жезлом размахивает, второй – казной ворочает, третий... А впрочем, чего говорить, ты и так знаешь... Знатные господа все, казалось бы... А на самом деле – марионетки в руках дедушки. Горло друг другу готовы перегрызть за его подачку. Хоть и рассуждают целыми днями про величие нашей семьи. Как мне все это надоело!

– И ты поэтому сбежал? – Ирго, наконец, повернул ко мне свое покрасневшее лицо.

– Не знаю... Нет, наверное. Я о таких вещах еще не думал... Я же совсем маленьким был.

– Тогда почему?

Эх, хороший вопрос...

И в самом деле, почему я сбежал? И как жил до того, как сбежал? Как все объяснить, если я и сам до сих пор не понимаю?

Натаналь всегда должен быть первым – это я усвоил раньше, чем начал ходить и говорить. Первым в музыке и танцах, первым в фехтовании и верховой езде, первым в беседах и

науках... Вместо детских игр и веселья – постоянные занятия. Вместо сказок – чтение книг по праву и изучение основ законодательства (то, что я должен буду занять должность Королевского Прокурора, решили еще до моего рождения). Впрочем, игры тоже были, и учитель для них специальный имелся. В семье Натаналей поощрялись игры-соревнования, два раза в год проводились семейные турниры, где я, мои братья и кузены пытались продемонстрировать свое превосходство во всем. Учиться побеждать – вот главное.

Так я и жил до восьми лет. Может, и счастлив был бы. Если бы не ночные кошмары. Если бы не постоянный холод, от которого нет спасения... Впрочем, возможность получить немного тепла имелась – нужно побеждать. Быть первым. Быть лучшим. И тогда отец мог хлопнуть меня по плечу и сказать: «Молодец». И старший брат Норг мог растрепать мои волосы и улыбнуться. Но это были такие крохи! А я жил ради этих крох.

О том, что может быть по-другому, к семи-восьми годам я начинал догадываться. Из случайно услышанных разговоров прислуги, из «никчемных» рыцарских романов, из которых мне удавалось прочесть тайком страницу-другую, из баллад, которые менестрели исполняли во время праздников...

А потом была поездка в Порт-Геридон. Дед взял меня и моих братьев – Ниора и Норга – на празднование сорокалетия окончания Орынской войны. В первый раз я покинул поместье. И первый раз увидел море. Нет, два моря – море воды и море людей. На первом плясали солнечные блики, и ветер наполнял тугие паруса фрегатов и баркентин. Второе шумело и гоготало, пестрело тысячами красочных нарядов. С небывалым удивлением я смотрел, как безудержно могут веселиться люди, как они смеются, танцуют, обнимают друг друга... Это был короткий миг, а потом карета въехала в Форт, где проводились скучные официальные торжества. Но тогда я не слушал поздравительных речей, а пытался понять и осмыслить только что сделанное открытие: бывает по-другому!

Наступила осень. Мне почти исполнилось девять – значит, пришло время для поступления в младшую ступень школы Марры.

Усаживаясь в карету, чтобы ехать на первый в жизни школьный урок, я и понятия не имел о том, что через несколько часов сбегу. Я даже не думал об этом, пока из окна не увидел группу ребят, спешивших на занятия в публичную городскую школу. Три девчонки-подружки о чем-то переговаривались, постоянно прыскавая со смеху. Мальчик и девочка чуть постарше шли, взявшись за руки. К ним подбежал другой мальчишка, дернул девочку за косу, получил легкого тумака, после чего все трое со смехом понеслись друг за дружкой по мощеной дороге. И я почувствовал тепло, оно меня словно огнем обожгло. Но это было чужое тепло.

На урок я не пошел. В суматохе распределения первогодок по классам я улизнул на задний двор, перелез через забор и отправился, куда глаза глядят.

У меня не было никаких планов, никаких мыслей о том, что будет дальше. Я знал только одно: я не хочу возвращаться.

«Прелесть» уличных скитаний я понял первой же ночью, когда, голодный и продрогший, устроился ночевать под рыночным прилавком. А «всю полноту жизни» ощутил на следующий день, когда, едва не завывая от голода, пытался утащить булку с пекарского лотка. Били меня, как я понял потом, после многих побоев, не сильно: разбили лицо о брусчатку площади, пнули несколько раз в живот и отпустили с миром. В этом был один плюс: от боли мне есть расхотелось. Тогда я думал, что умру. И был готов умереть – умереть, но не вернуться домой.

Не знаю, как все могло бы повернуться дальше... Может быть, убедившись, что на улицах, как и в поместье Натаналей, царит бесконечный холод, я признал бы правоту отца и вернулся. Но мне повезло – я встретил Рена. И понял, что такое настоящее тепло.

Дальнейшая жизнь не была похожа на сказку: и голодать приходилось, и замерзать, терпеть побои и унижения, выполнять тяжелую работу, драться жестоко и беспощадно. Но я

все равно был счастлив. Потому что больше не был один. И не имело значения, насколько тяжела жизнь. Главное – рядом был Рен. Был...

– Не знаю, – еще раз повторил я. – Сбежал, и все. Думаешь, так много радости – быть Натаналем?

– А что, много радости, в том, чтобы бродяжничать? – спросил Ирго неожиданно серьезно.

– Нет, не много... Если бы я один был, вообще никакой... Но я же был не один.

– Это ты про своего друга-простолюдина?

– Да. Его зовут Рен, мы бродяжничали вместе два с лишним года. Он стал для меня семьей – больше, чем семьей... Но дело не только в нем. Разные встречи в дороге случались. От некоторых людей ноги уносить приходилось. С другими из одного котелка хлебали. А иногда и то, и другое вместе – вначале ноги уносишь, а потом хлеб-соль делишь. Или, что хуже, – вначале хлеб-соль делишь, а потом не знаешь, как ноги унести... По-всякому бывало. Но, знаешь, иногда такие люди встречались замечательные. Гадов всяких я и не помню. Что там – затрепину получишь, убежишь да забудешь. А те, с кем сдружился, навсегда в памяти остаются. И кажется – вокруг только хорошие люди и были.

Я говорил, но смотрел не на Ирго, а на струи воды. И видел родные до боли лица...

Вот дядюшка Реффен – гоняет нас метлой из господского сада, чтобы яблоки не воровали. А потом сам же нас этими яблоками угощает, да про свою молодость рассказывает: про битву при Корранте, про осаду Порт-Геридона и поход на Онский полуостров...

Вот дочка его, Лизетт, пытается из нас с Реном «людей сделать» – умывает, причесывает, одежду поправляет да ссадины смазывает. Я ворчал недовольно, а сам от тихого счастья млел.

А вот провинциальный дворянчик зу Гро-Кременс. Вначале Рен у него кошелек случайно стянул, потом он за нами по всей столице гонялся. А потом мы уже втроем от стражи спасались. Настоящее приключение получилось. Интересно, как он там сейчас? Устроился ли на военную службу или в родной Овериок вернулся?

И как там ребята-«овражники»? Хотя бы все живы-здоровы были, а то когда мы последний раз из Лопутеля уходили, малышка Ярин кашляла постоянно – то ли от вечной сырости, то ли от угольной пыли... Дай ей Беона-Хранительница долгих лет! Нелегко им там всем... А Пунну и вовсе нелегко – всю эту малолетнюю ораву на себе тащить. Но куда денешься, если ты – старший брат... Я бы так не смог...

А матушка Атоцци! Неграмотная деревенская старуха, а в целительском искусстве фору любому выпускнику Телль-Террона даст. Выходила она нас во время тифа. А потом мы у нее почти всю весну «отрабатывали» – почки и цветочки собирали, древесную кору в порошок разминали. Ух, гоняла она нас! Зато теперь я знаю, какой травкой можно кровь остановить, а какой от поноса избавиться. Ага, попробуй не выучи – если что перепутаешь, старуха так полотенцем огреет, что хуже плетки. Откуда только силища такая у бабки! Даже ариши-бойцы позавидовали бы. Но все равно, добрая она была...

И Кириг тоже добрый, хотя и выглядит, как отродье завратное, а изъясняется и того хуже. Хороший охранник для купеческого каравана: только глянет – все разбойники врассыпную. Может, потому, что сам он – тоже разбойник еще тот. Вначале он на меня ужас наводил, я не раз Рену сетовал – зачем мы к этому обозу в пути пристроились? И как я удивился, когда увидел слезы на его глазах во время «Песни о Рыцаре и Розе». Конечно, баллада эта печальная, у меня самого во время исполнения каждый раз горло перехватывает – особенно на строчках про бесконечный одинокий путь непрощенного рыцаря, а купцы и вовсе в голос режут и потом куски жаркого повкуснее подкладывают, а то и монету дать могут. Но чтоб такое страшилище, да расчувствовалось! А потом, когда с ним разговорились, я понял, что даже у чудовищ есть своя боль.

Но самой доброй была она – Афодия... Ее боль даже представить страшно. Она всю семью потеряла во время мора. Муж, брат, родители, дети – двое сыновей и новорожденная дочь... Оставшуюся жизнь Афодия решила Великой Матери Дейре-Ко посвятить, и богиня ей дар дала: находить тех, кому нужна помощь... И нас с Реном она нашла тогда, в лесу, насмерть напуганных и беспомощных... Я едва на ногах мог стоять после лихорадки, а Рен от каждого шороха вздрагивал и за кинжал хватался. Не знаю, что с нами без нее было бы... До сих пор не могу забыть ее рук, теплых и заботливых, ее мягкого голоса. Она часто говорила мне или Рену: «сынок», «деточка», «мой мальчик»... И каждый раз у меня сердце замирало от этих слов. Один раз я случайно назвал ее «мама». И испугался, увидев ее лицо: на нем была такая печаль, такая надежда и такое разочарование... На следующий день мы с Реном ушли. Больно было, но мы понимали: останемся – будет еще больнее. Тогда мне казалось – так правильно. А теперь... Может, тот уход – тоже предательство?

– И все-таки не понимаю, – голос Ирго вернул меня к реальности. – Если бы тебя домой не привели – ты бы бродяжничал так до старости? Без всякой цели, стремлений? Это же пустая жизнь!

– Ага, а что, по-твоему, полная жизнь – дослужиться до Старшего Дворцового Распорядителя? – огрызнулся было я, но, увидев, как вспыхнуло лицо моего нового друга, сказал примирительно: – Прости, я глупость ляпнул... А что касается стремлений... У нас с Реном тоже мечта была. Мы думали, что когда подрастем немного, лет до тринадцати хотя бы, юнгами на какой-нибудь промысловый корабль устроимся... Там морскому делу обучимся, опыта наберемся. А потом и свой корабль как-нибудь раздобудем. И отправимся путешествовать – за Линию, к Соллийскому архипелагу... Будем новые земли открывать; может, вокруг света морем обойдем, как мечтал в свое время адмирал фор Кламенхейм. Будем первыми, кто сможет по Обратному течению сквозь пролив Черный Туннель пройти...

– Нель, это же детский лепет! – Ирго смотрел на меня, как на чокнутого. – Не может быть, чтобы ты о таком серьезно!

– Серьезнее не бывает, – отрезал я.

Потому что это на самом деле было серьезно. Я вспомнил портовые таверны Порт-Геридона и Марфела, рассказы моряков о неведомых землях, которые мы с Реном слушали, забыв рот закрыть. Вспомнил, как мы перечитывали по сто раз украденные из библиотеки книги – отчет о предпоследней экспедиции Кламенхейма за Линию и справочник по навигации. Как могли часами сидеть на пирсе, любуясь стройными парусниками и выбирая, какой у нас корабль будет. Может, такой, как этот барк? Или вон та бригантина? Или даже... И мы глаз не могли оторвать от гордости королевского флота – красавца-фрегата «Стальная Онелла», названного так в честь прабабушки нынешнего малолетнего короля... Вспомнил, как в прошлом году, в последнее лето моей свободы, мы ходили на промысел с марфальскими рыбаками, брались за любую работу – и палубу драить, и сети чинить, и рыбу потрошить – лишь бы в море. А потом, уже в поместье Натаналей, дурея от бесконечной учебы, одиночества и холода, я читал под одеялом книги по астрономии и географии, отчеты путешественников и труды магов, изучавших свойства Обратного течения. Я жил мечтой, пока не понял – бесполезно. Если в будущем я и смогу отправиться в плавание (а почему бы и нет – моей семье принадлежит торговый флот королевства), то Рена со мной все равно не будет. И сам я к тому времени превращусь в человека, которого новые земли интересуют только с точки зрения выгоды. Такие мысли были хуже Клейма Повиновения, хуже воплей демоницы...

Но я не стал говорить это Ирго. Только спросил:

– А ты море когда-нибудь видел?

– Нет. Я из столицы только в Летнее и Благодатное выезжал. И один раз в Тоу-Рин, во время большой охоты...

Я снова вздохнул... Ну как так можно жить: на одном месте, с небольшими вылазками в пригород! А впрочем, если бы я не сбежал, то так же и жил бы. И мысли бы не возникало, что это не жизнь, а тюрьма.

– Если летом наша семья отправится в поместье под Порт-Геридоном, поедешь с нами? – спросил я.

– Ты шутишь! – Ирго уставился на меня.

– Нисколько. Так хочешь поехать или нет?

– Конечно, хочу! Только твой отец...

– Он согласится, если я буду хорошо себя вести. Меня как лошадь воспитывают: и шпоры в бока, и уздечка натянута. Но если иду в нужном направлении – и по холке потрепать могут, и сахарок дать. Так едем? Я тебе море покажу, а если получится вырваться – и город тоже. Лучший город в королевстве! Вот увидишь...

С этими словами я еще раз тряхнул уже подсохшими на осеннем солнце волосами и подхватил сумку.

– Пойду на урок. До встречи!

– До встречи... – голос Ирго был таким растерянным, что я засмеялся. Махнул ему рукой и поспешил в учебный корпус. Надо быть послушной лошадкой, чтобы получить свою порцию сахарка... А потом, когда конь сам скачет куда надо, не нужно шпор, и уздечку отпускают. Почему бы и нет – сделать вид, что стал таким, как они хотят, и вырваться, наконец, на долгожданную свободу?! Вот только... Ни одна обвезженная лошадь на свободу не убежала... Если ты хоть раз позволил себя запрячь, то будут на тебе до конца дней ездить. И если я поддамся сейчас, просто притворюсь, что поддался – не потеряю ли я свою свободу навсегда? Человек сложнее лошади. Намного ли? Но я устал вести войну... Хочется пожить по-человечески... Ну что же, что мне делать?

Глава 3

После уроков я встретил у дверей учебного корпуса своего среднего братца Ниора, ученика первого класса высшей ступени Марры. Мы учились в одной школе и жили в одном доме, но виделись редко и только по делу. И сейчас я сразу понял, что братская встреча, во-первых, не случайна, а во-вторых, не сулит ничего хорошего.

– Что у тебя с лицом? – спросил брат, не поздоровавшись.

– А что такого? Надоело, что все с девчонкой путают, вот и решил добавить пару боевых отметин.

– Прекрати говорить глупости! Я слышал, ты вчера устроил драку с кем-то из сыновей дворцовых служащих... Распускаешь руки, как какой-то простолюдин!

– Если бы я вызвал его на дуэль, то нарушил бы закон. А для будущего Королевского Прокурора это еще хуже, не так ли? И потом, во время моего путешествия я видел многих мальчишек-дворян, которые ничего не имели против хорошей драки...

– Ха! Ох уж эти провинциальные дворянчики! Гордятся своей кровью, не имея за душой ни гроша. Нель, в нашем мире важно не столько происхождение, сколько положение в обществе, а положение достигается соответствующим поведением... А ты... О, Боги, как ты себя ведешь! Если отец и Норг узнают, они очень огорчатся.

– Ой, я сейчас заплачу, – сказал я язвительно и собрался уйти, но Ниор схватил меня за плечи, развернул к себе.

– Не смей позорить нашу семью! – прошипел он. – Из-за тебя все кузены смотрят на нашу ветвь свысока. В кого ты только такой уродился!

– Может, в маму, – бросил я равнодушно.

– Прекрати! Ты упоминать о ней не достоин! Ее манеры были безупречны. Впрочем, откуда тебе это знать... Это ведь ты ее убил.

Больно. Не так, как раньше, в детстве, когда подобные слова могли довести меня до слез и заставляли повторять: «Почему я не умер вместо нее?». Но все равно больно. Только теперь я не имею права показывать свою боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.